

Д. Исламова

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «КРАЕВЕДЕНИЕ»

Статья содержит информацию о важности краеведения в жизни общества, особенно в переломные моменты истории России, о необходимости повышения его статуса в общественном и научном сознании, о негативном влиянии на развитие краеведения слабой изученности самой истории краеведения, неразработанности ряда теоретических проблем, об отсутствии согласованной трактовки термина краеведение, рассматриваются подходы к определению сущности понятия краеведение в период «золотого десятилетия» краеведения (1920-е гг.), а также в последние десятилетия нашего времени, даются сущностные характеристики российского краеведения и его отличие от регионоведения, страноведения.

Ключевые слова: краеведение, родоноведение, регионоведение, национально-региональный компонент, «золотое десятилетие» краеведения, социально-культурное явление, научная работа, краеведческая деятельность, общества изучения местного края, краеведы.

The article contains information about the important role of local history in the life of a society especially in the critical periods of Russia's history, about the necessity of its status in the public and scientific consciousness rising, of the local history development negative influence of the history itself, including an number of undeveloped theoretical items and a coherent «local history» notion treatment lack. The article also considers different approaches to the «local history» notion essence determination during the period of local history «gold decade» (1920-s) as well as the last decades of our time. The author gives essential characteristics of Russian local history and its differences from regions- and country-studies.

Key words: local history, motherland studies, regions-studies, national-regional component, local history «gold decade», social-cultural phenomenon, scientific work, local history activity, local history learning societies, students of local history.

Краеведение обладает значительными возможностями для решения социальных, экономических, образовательных и воспитательных проблем российского общества, и это неоднократно подтверждалось в ходе его исторического развития. Следует отметить, что именно в ключевые моменты российской истории происходит всплеск интереса к изучению провинций: во времена петровских преобразований, в период промышленного подъема в России во второй половине XIX в., после Октябрьского переворота, в тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в конце XX в. в связи с масштабными изменениями в стране.

В начале 1990-х гг. Россию потрясли новые преобразования. Этот период характеризуется резким усилением роли регионов, а также распространением во всем мире, в том числе в России, нового типа социально-гуманитарного знания, ориентированного на изучение человека, его взаимоотношений с цивилизацией, обществом, семьей, его быта, т. е. так называемой повседневности, и вновь наблюдается значительный подъем краеведения. Об этом свидетельствуют многие факты: организуются всероссийские и региональные конференции (с 1973 г. начали проводиться

Бирюковские чтения в г. Челябинске, с 1989 г. – Слободские чтения в г. Тюмени, с 1990 г. – Смышляевские чтения в г. Перми), в 1990 г. в Челябинске состоялся учредительный съезд Союза краеведов России, созданы краеведческие общества в Свердловске, Перми, Челябинске, Кургане и др. Краеведение признается одной из главных программ Российского фонда культуры, а с 1992 г. – Российской академии наук, в 2002 г. принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)». Краеведение обрело статус учебной дисциплины в рамках школьного и вузовского образования, подготовлены учебные пособия (заслуживают внимание экспериментальное учебное пособие «Челябинск: История моего города», учебники «Краеведение», вышедшие в Челябинской области); обновлены экспозиции в некоторых местных музеях, выросла сеть краеведческих музеев, появились примеры строительства новых крупных зданий музеев в Челябинске, Йошкар-Оле, Ханты-Мансийске, Салехарде и др. Переиздаются труды краеведов; создаются региональные энциклопедии; выпускаются региональные краеведческие журналы и альманахи: «Вестник Челябинского общества краеведов», «Земля

Иркутская», «Сибирская старина» (Томск), «Омская старина», «Разыскания» (Кемерово), «Сибирский исторический журнал» (Тюмень), «Кузнецкая старина» (Новокузнецк), «Бийский вестник»; издается ежегодник Тюменского областного краеведческого музея «Земля Тюменская» и т. д. В некоторых провинциальных университетах в название кафедр отечественной истории добавили слово «краеведение», появились новые кафедры, занимающиеся региональными исследованиями, в том числе в университетах Москвы и Санкт-Петербурга. Возрождается российская дореволюционная традиция – родоведение (генеалогия). Постепенно приходит осознание исключительной важности таких фундаментальных человеческих ценностей, как семья, род, Родина, самоценность личности, уважение к человеку. В этом длительном и сложном процессе культурного самоопределения наших сограждан огромное значение имеет развитие краеведения.

В чем же секрет востребованности краеведения в переломные моменты истории страны помимо интересов хозяйственного, промышленного развития? Скорее всего, в том, что, когда в обществе разрушаются идеалы, экономика, миропорядок вообще и наступает хаос, нестабильность, люди ищут и находят опору в семье, доме, в своем городе, деревне, местности, т. е. в том, что называется малой родиной, где корни их предков, где существуют непреходящие ценности, и это та «соломинка», которая позволяет им сохраниться, удержаться на плаву в периоды катаклизмов, т. е. краеведение выступает как важный фактор стабильности человека.

Несмотря на позитивные моменты в развитии краеведения за прошедшие 30 лет, в последние годы очень заметно в России начали проявляться негативные тенденции. Так, все чаще стали вычеркивать из школьных программ национально-региональный компонент, нет должной, в том числе материальной, поддержки объединений краеведов, закрываются некоторые краеведческие конференции, научные сборники. Особенно жестко отрицательные явления коснулись музейных учреждений. Чиновники с чудовищной последовательностью стали ориентировать музеи страны на зарабатывание денег, коммерциализацию их деятельности, свертывается научная работа в музейных организациях, ликвидируются должности заместителя директора по научной работе, научных сотрудников, за ненужностью сокращаются в коллективах специалисты, имеющие научную степень, в ряде музеев имеет место недопущение ученых вузов и научно-исследовательских институтов к работе с музейными и библиотечными фондами, свертывается комплекто-

вание не только на основе закупок, но и приема дарений, не допускается организация экспедиций, обществу навязывается мнение о необходимости изъятия из музеев предметов культового назначения и передачи их церквям путем принятия федерального закона, основными критериями деятельности становятся два показателя: доход и посещаемость музея. И это – в учреждениях, являющихся основными хранилищами историко-культурных ценностей, центрами краеведческой работы, изучения местного края, сбора предметов материальной культуры и нематериального наследия региона, функции которых четко прописаны в Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996 г.) Подобное все более распространяется на территории России. И когда чиновники – учредители, а также директора музеев новой волны – вместо выполнения федерального закона свои действия сопровождают высказываниями о ненужности в краеведческих музеях научной работы и научных сотрудников и др., поневоле напрашивается вывод о том, что на руководящие посты, в данном случае в культуре, музейном деле, пришли неквалифицированные менеджеры, которые не понимают и не хотят понимать значения краеведения в обществе. В немалой степени этому также способствует все еще недостаточное изучение в целом истории краеведения России, многих регионов (хотя в 1990-е гг. эта работа активно начиналась), определение места и роли краеведения в жизни общества и, как не парадоксально, до сих пор существующая неразработанность проблемы сущности краеведения, отсутствие согласованной трактовки термина *краеведение*.

Долгие годы в нашей стране краеведение понималось в основном как форма кружковой работы со школьниками и вид досуга провинциальной интеллигенции. К сожалению, в современном общественном, да и в научном, сознании краеведение все еще воспринимается как периферия научного знания, как удел местных энтузиастов. Два-три десятилетия назад характерной была ситуация, когда редкий ученый «отваживался» посвятить научную деятельность изучению истории, природы края, и коллеги относились с явным пренебрежением к такого рода занятиям. Даже сейчас некоторые ученые считают краеведение не наукой, а занятием для исследователей-простаков, забывая, что именно краеведению принадлежит огромная роль в развитии исторических и естественно-исторических знаний. Определение понятия *краеведение* становится еще более проблематичным в связи с распространением в последние годы новых и возврата популярности старых терминов: регионо-

ведение, отчизноведение, родиноведение, наследие, историко-культурная территория и др. О чем говорят эти термины: о новом качестве в развитии краеведения или о начале его конца? Перечисленные обстоятельства определяют актуальность проблемы сущности понятия *краеведение* как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Когда появился интерес к краеведческим знаниям, непосредственно сам термин *краеведение*, что понималось под краеведением в разные эпохи, особенно во времена его наивысшего подъема, каковы его наиболее характерные черты и в чем же все-таки его главный смысл? Попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на имеющуюся научную информацию, однако необходимо отметить, что публикации по данной проблеме в региональной (сибирской), да и общероссийской, печати достаточно редки и противоречивы, но каждое исследование может оказаться полезным для понимания сущности краеведения.

Когда же у людей появился интерес к познанию своего края?

Краеведение возникло очень давно. Край – «окрест меня», окраина моего видения. По мнению ученого-историка Д. И. Копылова (г. Владимир): «Интерес к родному краю, его природе, жизни сменявших одно за другим поколений предков возник с тех пор, как люди стали жить оседло. Знания о крае передавались в виде сказов, былин, песен, обрядов. Письменность закрепила и расширила эту традицию. Накопление и передача знаний о крае всегда диктовалась жизненными интересами» [6, с. 42]. Другие исследователи считают, что «интерес к познанию, “ведению” своего, местного края проявился еще в средние века, когда возникло представление об особенностях развития отдельных районов огромной страны, когда стали составляться летописи княжеств, городов, монастырей» [12, с. 44].

В понятие *краеведение* в разные исторические периоды вкладывалось различное содержание. С XVIII в. краеведение начало формироваться как научное знание. Тогда краеведение понимали как собиранье материальных свидетельств местной истории и описание особенностей географического положения того или иного края. Развитию краеведения придавалось государственное значение, что можно проследить в указах Петра I о выявлении и описании достопримечательностей, в идее создания «Российской географии» и «Российской истории», организации академических экспедиций по изучению Сибири и Дальнего Востока.

Со 2-й четверти XVIII в. в становлении краеведения большую роль начинает играть Петербургская

академия наук. Традиция тесной взаимосвязи краеведения и академической науки – характерная черта отечественного краеведения. У истоков краеведения стояли крупнейшие ученые середины XVIII в.: В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов. В изучении Сибири неocenим вклад знаменитой экспедиции, возглавляемой «отцом сибирской истории», академиком Г. Ф. Миллером. Собранные им материалы в ходе изучения архивов более 20 городов Сибири послужили не только основой первого монографического сочинения «Описание Сибирского царства», но и стали на долгое время богатейшим первоклассным источником для сибиреведов разных специальностей.

В провинции появились и свои ученые. Среди них в Сибири в числе первых – тоболяк С. У. Ремезов. Его «История Сибирская» считается первым краеведческим сочинением о Сибири. Далее необходимо назвать талантливого самородка – ямщика Черепанова, значительно обогатившего сокровищницу знаний о старой Сибири. Первым членом-корреспондентом АН (1759 г.) стал уральский краевед П. И. Рычков.

Однако еще долгое время краеведение не имело собственного места в системе знаний. Понимание краеведения как историко-географического описания отдельных районов страны сохраняется в XVIII в. и во второй половине XIX в., но в то время оно также стало составлять органическую часть этнографии.

Развитию краеведения в XIX в. во многом способствовали различные общества (Вольное экономическое общество, Русское географическое общество и др.), в том числе местные общества по изучению края, губернские статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии, земства и издания при них. Со второй четверти XIX в. наблюдается активное участие политических ссыльных в изучении Сибири. Открываются музеи и архивы, которые становятся центрами краеведения. Развивается церковное краеведение. Сущность краеведения все больше связывают с краевой историей, появляются первые разработки основополагающих методологических подходов к организации родиноведения (краеведения), в частности лидера сибирских областников Г. Н. Потанина, а именно: разработка проекта концентрического родиноведения.

Во второй половине XIX в. определилась еще одна характерная черта краеведения – демократический состав исследователей. Разработкой краеведческих вопросов занимались сельские и городские учителя, священники, волостные писари, провинциальные врачи, служащие местных статистических комитетов. Они были авторами краеведческих работ в «Эт-

нографических сборниках», «Известиях» и «Вестнике» Русского географического общества, местных газет и др. изданиях. Именно в этот период появляется плеяда известных краеведов Сибири: Н. М. Мартыанов, А. К. Кузнецов, И. Я. Словцов, Н. А. Чарушин, А. И. Сулоцкий, Н. Л. Скалозубов, А. А. Дунин-Горкавич и др.; крупнейших исследователей Пермского края: А. А. Дмитриев, Д. Д. Смышляев, Е. И. Красноперов, Р. С. Попов, И. С. Сигов, В. Н. Шишонко и др. Пионерами южноуральского краеведения в XIX – начале XX в. становятся И. В. Жуковский, А. В. Орлов, М. Н. Ястребов, И. М. Крашенинников, Н. К. Минко, М. В. Черноскутов, И. А. Сперанский, К. П. Прокопьев и др.

Необходимо отметить, что краеведение как понятие, особая отрасль знаний, как общественное движение возникло в нашей стране сравнительно недавно и большинство исследователей называет это первым этапом развития краеведения, который относят к последней четверти XIX в., когда стали проявляться его сущностные характеристики, когда возникли первые организации, занятые исключительно краеведческими изысканиями, создавался понятийный аппарат и были достигнуты первые результаты в практической работе. Но термина *краеведение* как общепринятого в литературе тогда не существовало. Впервые его ввел в литературный обиход русский педагог В. Я. Ульянов в книге «Опыт методики истории в начальной школе», вышедшей в 1914 г. Этот факт отражает еще одну характерную черту краеведения – тесную связь его со школой. Краеведение оформилось как часть общепедагогического дела, его стараются включить в программы школьного образования, а в методических трудах педагогов XIX – начала XX в. употребляются термины *отчизноведение*, *родиноведение* в значении ознакомления с малой родиной. Педагогическая общественность увидела в краеведении могучее средство повышения общего уровня образования молодежи и ее патриотического воспитания.

Краеведение продолжало по-прежнему трактоваться широко, но сам новый термин *краеведение* начал использоваться только после 1917 г. как отрицание буржуазно-шовинистического родиноведения.

Первое послереволюционное десятилетие характеризуется бурным развитием краеведения. Этот период с конца 1980-х гг. по определению С. О. Шмидта, стали справедливо называть «золотым десятилетием» краеведения, периодом его наибольшего сближения с большой наукой. Именно в то время было много сделано по разработке теоретических вопросов краеведения и прежде всего по выявлению структуры и определению его сущности. Общей точки

зрения у государственных деятелей, ученых и педагогов по вопросу содержания понятия *краеведение* тогда не существовало в связи с тем, что перед ними стояли разные задачи. Уже на I краеведческой конференции А. В. Луначарский назвал главной задачей краеведов «возможно более глубокое, точное, твердое знание всех ресурсов» [Там же, с. 91], на базе которых можно будет восстановить разоренную войнами экономику страны.

Во второй половине 1920-х гг. споры вокруг вопроса о задачах краеведения обострились, отдавалось предпочтение «производственному» краеведению. Значительно шире определяли смысл краеведения сами краеведы, ученые, создавшие в 1920-е гг. методику краеведческой работы. Они не стремились сводить краеведение к утилитарным, производственным задачам. Историко-культурное краеведение отстаивали С. Ф. Ольденбург, Н. П. Анциферов, И. М. Гревс, А. М. Большаков и др. Работы этих выдающихся отечественных ученых 1920-х гг. для краеведения являются классикой. Простой перечень терминов, введенный ими в научный оборот и активно использовавшийся, говорит о глубине и эмоциональности проникновения в предмет исследования: *родиноведение*, *образ города* и *душа города*, *биография города*, *экскурсионный метод обучения истории*, *чувство Родины* и др.

В программной статье С. Ф. Ольденбурга, помещенной в первом номере журнала «Краеведение», отмечалось, что «краеведческая работа, как всякая другая исследовательская работа, зависит, несомненно, прежде всего от научного творчества... и она явится совершенно новым воспитательно-образовательным средством для всех ее участников» [7, с. 3]. И далее в другом обращении он продолжает утверждать, что «краеведение есть массовое научно-культурное движение, надо стремиться к тому, чтобы научное миропонимание распространилось в самых широких массах» [9, л. 268–269.].

Н. П. Анциферов, подчеркивая роль и значение краеведения писал:

«Исследовательская работа на местах, объединяя все культурные силы, направлена на изучение края ради содействия его развитию. Краеведение есть наполнение науки большим и разнообразным содержанием жизни. Вместе с тем оно является и внедрением науки в гущу жизни – ведение края для организованного воздействия на него» [2, с. 83]. Ученый считал краеведение «целостным знанием». Его познавательная цель – изучение своего края во всей полноте. Краевед-исследователь имеет дело с индивидуальностью, нигде больше не повторяющейся. «Он изучает

свой край, единичное по существу явление, причем изучает его целиком» [1, с. 32].

По представлению И. М. Гревса, разработка местной истории имеет не меньшее значение, чем историография целой страны. В своей работе «Краеведение в современной германской школе» с подзаголовком «Материалы для реформы учения» И. М. Гревс уточняет определение понятий *краеведение* и *родиноведение*. Так, первое «есть познание образа местности во всех его чертах, в прошлом и настоящем, которое хранит в себе наследие прошлого и находится с ним в неразрывном преемстве. Это построение портрета и биографии местности (конечно, обобщенных)» [11, с. 6]. Свообразие краеведения еще и в том, по убеждению Гревса, что «рядом с интеллектуальным мотивом в нем сам собою рождается (или даже к нему влечет) особый эмоциональный – краеведение естественно осуществляется как “родиноведение”. Эти термины, пишет в примечании Гревс, «тождественны для тех, кто изучает свою местность как малую родину; но совокупность краеведческих работ объективно дает материал для описания родины большой, и тут понятие “краеведение” обнимает все родиноведческие изыскания отдельных местностей, проводимые своими работниками» [Там же]. Он отмечает также, что «чувство родины как эмоциональный мотив присутствует и в “страноведении”, т. е. в изучении большой родины (своего государства, всего отечества)» [Там же, с. 7].

В январе 1926 г. VI сессия Центрального бюро краеведения определила краеведение как «метод синтетического научного изучения какой-либо определенной, выделяемой по административно-политическому или хозяйственному признаку относительно небольшой территории» [3, с. 50]. Но несмотря на это, продолжались горячие дебаты по поводу понятия краеведения. В 1927 г. выходит книга А. М. Большакова «Введение в краеведение» со специальным разделом «Краеведение – наука или метод?», в котором автор, ссылаясь на вышедшие после принятия резолюции публикации, указывал на важность и неоднозначность трактовки данного определения. В частности, он отмечал статью Н. П. Анциферова, ученика И. М. Гревса, «Краеведение и страноведение», в заключение которой сказано: «Краеведение еще не наука, но оно может ею стать». Сам Большаков пытается обосновать свое представление о краеведении как науке: «Краеведение есть сумма безусловно положительных знаний о крае, реальные границы и подлинный облик которого мы все время стараемся нащупать. Права гражданства в качестве особой науки краеведение приобретает в

силу того факта, что обладает своим собственным объектом изучения, к которому подходит со своей собственной, оригинальной точки зрения» [Там же, с. 53–54.]. Далее автор пишет, что «краеведение особая наука», молодая, начинающая, «в процессе изучения местного края краеведение мобилизует дисциплины почти всего научного фронта, связывая их единым крепким краеведческим узлом – своим своеобразным подходом при исследовании района». [Там же, с. 54, 58–59]. Итак, А. М. Большаков пытается доказать, что краеведение – особая наука, хотя признает, что большинство краеведов с этим выводом не согласны.

В целом, рассматривая период становления краеведения, необходимо отметить, что его развитие с XVIII в. шло в системе общего знания и складывалось как историко-географическое и этнографическое описание. С началом разделения во второй половине XIX в. единой науки на отраслевые происходит выделение и краеведения как особой науки со своим предметом, методами исследования, понятийным аппаратом, характерными чертами (тесная связь с Академией наук, со школой, демократический состав занимающихся краеведением). Следует особо подчеркнуть огромный вклад ученых и теоретиков-краеведов «золотого десятилетия», которые сформулировали основные положения о краеведении, его отличительных признаках, сохранившие значение до наших дней. В конце XIX – начале XX в. краеведение выходит за рамки только научных знаний, превращаясь в общественное явление, появляется сам термин *краеведение*.

Каков же взгляд на понятие *краеведение* у современных ученых?

В первой половине 1990-х гг. достаточно активные обсуждения происходили вокруг теоретических вопросов и главным образом касались определения краеведения как науки или как метода, внутренней структуры краеведческого знания и его положения между фундаментальными и прикладными науками. Наиболее адекватную оценку состояния дел в этом вопросе дает В. Г. Рыженко: «И все же до сих пор нет единства внутри научных сообществ, особенно представляющих так называемую “большую” науку, по поводу содержания понятия “краеведческие исследования”. Поэтому в регионах, имеющих отраслевые научно-исследовательские подразделения, к краеведческим работам по-прежнему относят узконаправленное изучение “малой родины” – описания природных условий, отдельных сторон жизнедеятельности и исторического прошлого более мелких единиц региона (от областей до отдельных населенных пунктов, их микрорайонов, улиц и т. п.). В то же время исследова-

ния, проводимые внутри той или иной отрасли знания, связанные с общероссийской проблематикой, но выходящие на анализ местного (регионального) материала, заведомо, по убеждению многих ученых, должны считаться качественно иной группой. Так, анализ исторического опыта изучения и освоения сибирского региона, осуществлявшийся институтами СО РАН, связывался с фундаментальным знанием, а краеведению отводилась лишь прикладная роль (учебно-просветительская, памятнико-охранительная деятельность, осуществляемая энтузиастами-общественниками в границах какой-то из административно-территориальных частей Сибири). Тем самым «сибиреведение» и «краеведение» оказывались в разных категориях при определении их научного статуса, а их исследовательские объекты – в разных и чаще всего не пересекавшихся координатах проблемного поля. Понятийная рассогласованность пока не преодолена. Напротив, она даже усилилась... Вместе с тем в научно-исследовательской практике разведение «по сортам» «сибиреведческих» и «краеведческих» трудов показывает искусственность подобной градации для определения качественных признаков» [11, с. 4].

Автор также приводит одну из новейших точек зрения на место и роль краеведения в структуре научного знания, предложенную Ю. В. Рождественским в концепции культуроведения, в которой краеведение отнесено к источникам культуроведения (наряду с архивоведением, библиотечковедением, музееведением, востоковедением, экологией и природопользованием) и выступает еще и как консультативная прикладная дисциплина.

М. В. Шиловский (г. Новосибирск) в статье «Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири» изложил свое понимание определения краеведения и его места в системе наук: «Зарождение и развитие краеведения как проявления общественной активности населения в области прикладных знаний о своей “малой родине” в Сибири относится к последней четверти XIX в. и связано с развитием и эволюцией форм общественного движения и появлением у горожан свободного времени» [13, с. 34]. Автор выделяет пять этапов в развитии краеведения в Сибири.

Историки Томского, Барнаульского университетов и др. являются сторонниками тезиса о том, что краеведение – особая наука.

Интересны другие позиции исследователей. Они также исходят из того, что каждая фундаментальная наука представляет собой комплекс дисциплин, кото-

рые имеют свой специфический предмет и свои методы исследования.

А. В. Дулов (Иркутск) в статье «Краеведение как сфера деятельности общества» не считает краеведение отдельной наукой, так как предмет исследования, по его мнению, в принципе не отличается от предмета страноведения и у краеведения нет собственных методов и приемов исследования. Далее автор пишет, что термин «краеведение» по-разному определяется в энциклопедиях и справочниках. Наиболее удачным из кратких формулировок им принимается объяснение понятия в Большом энциклопедическом словаре: «Краеведение – изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов главным образом силами местного населения» [4, с. 384]. А. Л. Дулов считает, и с ним трудно не согласиться, что и эта формулировка, и многие другие, содержащиеся в справочных изданиях и других работах, несколько сужают представление о краеведении, сводя его к специально выделенному, преднамеренному изучению части страны. При определении термина автор предлагает говорить о понятии более широком, имея в виду «краеведческую деятельность, которая существует в четырех формах: 1) производственная или практическая; 2) научная (приносящая новые знания); 3) просветительская; 4) индивидуальная» [5, с. 2]. Кроме того, по мнению ученого, само понятие «краеведение» в чем-то относительно, а иногда даже формально. От специалистов, работающих над глобальными или страноведческими проблемами, краеведы часто отличаются лишь масштабами обобщений и использованием меньшего фактического материала. Он предлагает краеведческую деятельность дифференцировать в зависимости от организационной принадлежности, задач работы, специализации, территориального охвата. Объектами краеведения могут быть различные территориально-информационные уровни. Высшим уровнем пространства, которое может охватить специалист, изучающий отдельное государство, является страноведение, т. е. для нашей страны – это всероссийский уровень. Далее ученым обозначены шесть краеведческих уровней исследования.

Определенная точка зрения на рассматриваемую проблему высказана И. П. Решиковой (г. Новокузнецк) в работе «Краеведение как симптом “ландшафтной революции”». Она отмечает, что в последнее десятилетие активно обсуждается не только методологическая специфика краеведения, но и его место в дисциплинарной иерархии истории, предпринимаются попытки локализовать краеведение и тем самым придать

ему неотчуждаемый статус в системе исторического знания. Автор считает важной постановку вопроса о статусе краеведения в ином ракурсе – «экстерриториальном» по отношению к историческому знанию и даже к гуманистике в целом. «Современной формой самоосмысления постсоветской Внутренней Периферии, тяготеющей к преобразованию в Провинцию, является краеведение в разных своих обликах – от текстуально и по законам академического жанра оформленных глубоких исследований края / города / места до спонтанных феноменов вроде многочисленных локальных сайтов, специально посвященных “нашему уникальному городу / населенному пункту”... Краеведение является важным ресурсом кооперирования местного населения в сообщество (в смысле европейского *Communitas*)» [10, с. 189].

Т. Д. Рюмина (г. Москва) осуществила, на наш взгляд, удачную попытку обобщить и углубить многие взгляды и подходы в понимании сущности краеведения и пришла к заключению: «Краеведение – это сложное и объемное общественное явление, социокультурный феномен» [12, с. 5]. О формировании данного явления автор предлагает говорить лишь с 1890-х гг. По мнению ученого, сущность краеведения (накопление и распространение знаний о крае), позволяющая ему выполнять свои функции, проявляется: в организационных структурах и формах; научно-исследовательской деятельности по изучению местного края в историческом, историко-культурном, естественно-географическом аспектах; в практической работе, прежде всего в деле выявления, учета и охраны памятников, создания музеев, в образовании и воспитании.

Академик Д. С. Лихачев, возглавивший в начале перестройки Фонд культуры, придавал особое значение краеведению не только в развитии культуры, но и в формировании «нравственной оседлости». Определение, данное Д. С. Лихачевым краеведению, без сомнения является одним из основополагающих, так как оно раскрывает сущность и его специфику, проявившуюся в ходе исторического развития.

Д. С. Лихачев подчеркивает особенности краеведения:

1. «Краеведение принадлежит к типу комплексных наук. Оно соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т. д. Объединяющее начало состоит в том, что все эти сведения относятся к одной местности» [8, с. 159].

Далее ученый указывал на воспитательную роль краеведения: «Краеведение гораздо более “воспиты-

вающая наука”, наука, требующая от человека неравнодушного отношения к предмету и выводам своего изучения» [Там же].

Д. С. Лихачев называл краеведение самым массовым видом науки: «Есть еще одна чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки. В ней нет “двух уровней”. Одно уровня – для ученых-специалистов и другого – для “широкой публики”. Краеведение само по себе популярно. Оно существует постольку, поскольку в его создании и в восприятии (потреблении) участвуют широкие массы. В этом отношении краеведение в системе наук занимает исключительное место... Краеведение может стать в той или иной местности самым массовым видом науки» [Там же, с. 160].

2. Краеведение Д. С. Лихачевым понималось и как деятельность по сбору материалов, предметов местной истории, природы и пр., в которой могут принимать участие люди всех возрастов: и высококвалифицированные ученые, и ученики средних школ. Д. С. Лихачев с понятием “краеведение” связывал его охранительную функцию по отношению к памятникам и памятным местам и в этом виде деятельности огромную роль он отводил музеям, архивам, а также созданию добровольных обществ друзей того или иного памятника, той или иной темы.

3. Осознавая краеведение как важный фактор в духовном развитии личности Д. С. Лихачев наряду с понятием “экологии биологической” ввел понятие “экология культуры”. «Краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать» [Там же, с. 160–161].

Почетный председатель Союза краеведов России, академик Российской академии образования С. О. Шмидт сформулировал современное представление о сущности краеведения: «Ныне под краеведением понимают сферу научной, культурно-просветительской и памятнико-охранительной деятельности определенной тематики: прошлое и настоящее какого-либо “края”, а также сферу общественной деятельности той же направленности, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и широкий круг лиц, преимущественно местных жителей» [14, с. 2]. Краеведение он воспринимает как форму идеологического и даже политического сознания, которая может иметь и «разную фактологическую наполненность, и разную общественно-политическую направленность – от либерально-демократической до узкошовинистической или ксенофобской» [Там же]. С. О. Шмидт придает важное значение краеведным знаниям в процессе познания: это и

метод познания от частного к общему, выявление общего и особенного, метод, опирающийся на междисциплинарные научные связи.

С. О. Шмидт сформулировал определение понятия регионоведения и его отличия от краеведения. По мнению ученого, регионоведение – это сфера междисциплинарной научной деятельности, комплекс более широких (и в то же время менее конкретизированных) знаний, чем краеведение, сосредоточенное преимущественно на местных достопримечательностях. В краеведении преобладает интерес к наследию – историко-культурному и природному; регионоведение же обязательно включает познание современного состояния региона, освоение данных и политологии, и экономической географии. Автор считает, что термином “регион” чаще всего обозначают часть территории (и обычно немалую), отличающуюся от других совокупностью устойчивых естественно-географических, социоэкономических, исторических (и историко-культурных) особенностей. Регионоведение – это сфера прежде всего научных знаний, овладение которыми требует специальной подготовки. Краеведение же в наши дни (конечно, опирающееся на научную основу) – все-таки знание массово-доступное, отражающее интерес и любовь к своему краю.

Итак, в ходе исторического развития страны, смены эпох произошло формирование понятия краеведения, его внутренняя сущность зависела от поста-

новки задач, которые краеведение призвано было решать в то или иное время. Изначально – это было накопление и передача знаний о крае в виде сказов, былин и обрядов, затем посредством легендарных писаний отечественных и зарубежных книжников, летописей. Под краеведением понимали и собирание вещественных свидетельств прошлого, научное описание ландшафта, природы какого-либо края. Позже его признавали общественным движением, научной отраслью, инструментом образовательно-воспитательной работы в школе. Его нельзя определить только как науку или даже как научную отрасль, хотя необходимо признать, что это базовая составляющая в понимании термина, ибо без знания края невозможна реализация ни одной функции краеведения, неполным будет понимание краеведения как инструмента преподавания и воспитания, а также как системы организаций и обществ по изучению местного края. Можно с уверенностью сказать, что краеведение стало весьма емким понятием и многообразным явлением общественной жизни.

На наш взгляд, краеведение – это сложное социально-культурное явление в жизни общества, основой которого является комплексное изучение той или иной местности в целях накопления, сохранения и передачи знаний о крае, опыта и памяти о деятельности предков для дальнейшего развития цивилизации.

1. Анциферов, Н. П. Беллетристы-краеведы / Н. П. Анциферов // Краеведение. – 1927. – № 1.
2. Анциферов, Н. П. Краеведение как историко-культурное явление / Н. П. Анциферов // Известия ЦБК. – 1927. – № 2.
3. Большаков, А. М. Введение в краеведение / А. М. Большаков. – М., 1927.
4. БЭС. – Изд. 2-е. – М., 1998. – С. 384.
5. Дулов, А. В. Краеведение как сфера деятельности общества [Электронный ресурс] / А. В. Дулов. – Режим доступа: <http://ifhs/irk.ru/dulov/htm> (15.07.09).
6. Копылов, Д. И. Краеведение: структура, проблемы, перспективы / Д. И. Копылов // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея им. И. Я. Слоцова за 1999 г. – Тюмень, 2000.
7. Краеведение. – 1923. – № 1.
8. Лихачев, Д. С. Краеведение как наука и как деятельность / Д. С. Лихачев // Рус. культура. – М.: Искусство, 2000.
9. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 268–269.
10. Решикова, И. П. Краеведение как симптом «ландшафтной революции» / И. П. Решикова // Историк и его эпоха: вторые Даниловские чтения (20–22 апреля 2009., г. Тюмень). – Тюмень, 2009.
11. Рыженко, В. Г. Методологическое и методическое наследие «золотого десятилетия» и современность [Электронный ресурс] / В. Г. Рыженко. – Режим доступа: <http://ifhs.irk.ru/rigenko1.html> (21.01.10).
12. Рюмина, Т. Д. Эволюция краеведения в России в конце XIX – XX вв. (на материалах Москвы) / Т. Д. Рюмина; Моск. город. пед. ин-т. – М., 1999.
13. Шиловский, М. В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири / М. В. Шиловский // Земля Тюменская: ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея: 2003. – Тюмень, 2004. – Вып. 17.
14. Шмидт, С. О. Краеведение – это всегда краелюбие, 2004 [Электронный ресурс] / С. О. Шмидт. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/2004/22/4/htm> (15.07.09).